

ОБОРОНА СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ В ГОДЫ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ: военный и религиозный аспекты

Крымская (Восточная) война, являвшаяся крупнейшим международным конфликтом второй половины XIX в., существенно изменившим расстановку сил в Европе, началась, как известно, из-за спора о святых местах Палестины. Война была вызвана комплексом противоречий, существовавших в то время между Россией, Францией, Англией и другими державами. При этом одной из главных причин, породивших войну, был фактор церковно-политический. Давние разногласия между католическим и православным духовенством в Святой Земле относительно контроля за святыми местами, обострившиеся к началу 1850-х гг., были использованы западной (прежде всего французской) дипломатией с целью вытеснить Россию из сферы влияния на Ближнем Востоке. Россия, традиционно опиравшаяся в этом важном для нее регионе на позицию защитника православных интересов и связанная системой обязательств, данных христианам Османской империи, не могла устраниваться от участия в дипломатической дуэли вокруг святых мест, закончившейся кровавой развязкой¹.

Начавшуюся войну Русская Православная Церковь рассматривала и представляла народу как религиозно-цивилизационное противостояние, как войну за святые места, за интересы России и православной Церкви на Востоке, в защиту единоверцев, томящихся под исламским игом². В годы Крымской войны православное духовенство приняло активное участие в общем деле борьбы с врагом. Ярким примером является оборона Соловецкого монастыря под руководством архимандрита, впоследствии епископа Александра (Павловича). Несмотря на удаленность Соловецких островов не только от Святой Земли, но и от Крымского полуострова, где располагался основной театр военных действий, оборону монастыря следует рассматривать в одном ряду с бомбардировкой Одессы, осадой Севастополя и другими значительными событиями Крымской войны. Хотя в масштабах грандиозной военной эпопеи, простиравшейся от Кронштадта до Камчатки и от Белого моря до Черного, обстрел данной национальной святыни английской эскадрой являлся лишь небольшим двухдневным эпизодом, событие это стало широко известно в России и за ее пределами, пробудив у современников религиозно-патриотические чувства и заставив вспомнить об осаде Троице-Сергиева монастыря польско-литовскими интервентами в 1608–1610 гг. А настоятель Соловецкой обители Александр, известный прежде лишь ограниченному кругу лиц, стал национальным героем. О нем писали ведущие периодические издания, его литографированный портрет раскупался сотнями экземпляров наряду с портретами других героев войны: адмирала П.С. Нахимова, вице-адмирала В.А. Корнилова, генерала Э.И. Тотлебена, матроса П.М. Кошки, архиепископа Херсонского и Таврического Иннокентия (Борисова), георгиевского кавалера протоиерея Могилевского пехотного полка И.М. Пятибокова, духовника Крестовоздвиженской общины иеромонаха Вениамина (Лукиянова) и др.

Поскольку духовной основой Российской империи была православная вера, через призму которой воспринимались происходившие события, то вполне естественно, что благополучный исход сражения с превосходящими силами противника монахи Соловецкой обители, как и большинство россиян, объясняли тогда, прежде всего, заступничеством Божественного Провидения. Эта мысль красной нитью проходит через донесения в Святейший Синод настоятеля монастыря Александра³, газетные сообщения, дореволюционные статьи и брошюры⁴. Советские историки, касавшиеся данной

* Мельникова Любовь Владимировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

проблемы, считали своим долгом опровергнуть «легенду о чудесном спасении Соловецкого монастыря», созданную, по их мнению, монахами для того, чтобы увеличить популярность обители и повысить свои доходы за счет «одураченных паломников»⁵. В результате, несмотря на наличие в историографии около десятка работ по проблеме, среди них нет ни одной научно-взвешенной и объективной. Даже монография Г.Г. Фруменкова о Соловецком монастыре в XVI–XIX вв.⁶, основанная на многочисленных архивных документах, страдает излишней публицистичностью и тенденциозно-избирательным подходом к источникам. Автор намеренно умаляет роль монахов, делая упор на участие в обороне обители инвалидной команды и содержащихся там заключенных – «врагов самодержавия», гневно обличает создателей пресловутой легенды и, наконец, предвзято изображает деятельность в Беломорском крае военной и церковной властей.

В данной статье делается попытка объективно рассмотреть ход и характер обороны Соловецкого монастыря в контексте общих военных событий 1854–1855 гг. на побережье Белого моря с учетом мировоззренческого фактора – непосредственной роли духовенства и религиозно-патриотических чувств, вдохновлявших защитников обители, а также подробно проанализировать конфликт, возникший по вопросу укрепления Соловецкого монастыря между Архангельским военным губернатором вице-адмиралом Р.П. Бойлем и епископом Архангельским Варлаамом (Успенским), который дошел до сведения императора Николая I, а впоследствии дал повод некоторым скорым на выводы историкам обвинять вице-адмирала в «глупости» и чуть ли не «сознательном предательстве интересов России»⁷.

Как известно, основными театрами военных действий в годы Восточной войны были Крымский, Дунайский и Кавказский. Для оказания экономического давления на Россию Англия и Франция пытались также установить блокаду морских побережий Российской империи. Их военные эскадры действовали не только в Черном, но и в Балтийском, Баренцевом и Белом морях и даже на Тихом океане. На Русском Севере боевые действия велись в летние месяцы 1854 и 1855 гг. Соединенные англо-французские эскадры, в состав которых входило несколько линейных кораблей и вспомогательных судов, крейсировали в территориальных водах России, устанавливали блокаду акватории и побережья Белого и Баренцева морей, уничтожали торговые и промысловые российские суда, обстреливали небольшие города и деревни, пытались высаживать десант (главным образом, для того чтобы пополнить запасы продовольствия). Нанесенный ими материальный ущерб был не столь значителен, однако неприятелю удалось помешать российскому торговому судоходству в северных водах.

21 февраля 1854 г. указом императора Николая I Архангельская губ. была объявлена на военном положении с подчинением Архангельскому военному губернатору вице-адмиралу Бойлю, которому предоставлялись права командира отдельного корпуса в военное время⁸. Накануне император учредил Комитет для соображения мер к усилению обороны прибрежных пунктов Северной России под председательством управляющего морским министерством вел. кн. Константина Николаевича. 14 февраля, рассматривая проблему укрепления Архангельска и его окрестностей, Комитет постановил: соорудить береговые батареи для обороны подходов к Архангельску и Новодвинску; построить 20 канонерских лодок для защиты фарватеров; отправить в распоряжение военного губернатора «до 3 000 кремневых ружей для вооружения, в случае надобности, жителей островов, впереди Архангельска находящихся»; из числа орудий, оставшихся после укрепления Новодвинской крепости, выделить (по усмотрению Бойля) несколько орудий малого калибра для защиты Соловецкого монастыря, а также вывезти из обители «все движимые драгоценности, поместив их в более безопасном месте»⁹.

Соловецкий Спасо-Преображенский монастырь, основанный в 1430-х гг. монахами Савватием, Зосимой и Германом – одна из древних, богатых и почитаемых в народе русских православных обителей. С XVI в., во многом благодаря деятельности игумена Филиппа (Колычева), будущего митрополита Московского, монастырь стал крупнейшим промышленным и культурным центром северного Поморья. В XVI–XVIII вв. он

представлял собой также важную приграничную крепость. В 1571, 1582 и 1611 гг. обитель отразила несколько нападений Ливонских рыцарей и шведов. Выступая против церковной реформы патриарха Никона, монастырь 8 лет (с 1668 г. по 1676 г.) выдерживал осаду правительственных войск. В 1814 г. после постройки Новодвинской крепости обитель отчасти утратила свое стратегическое и военное значение.

В середине XIX в. Соловецкий монастырь владел 6 крупными островами (Соловецким, Анзерским, большим и малым Муксамскими, двумя Заячьими) и множеством мелких островов общей площадью 640 кв. верст (682,7 кв. км). Обители принадлежали 11 заводов¹⁰, на которых наряду с монахами и послушниками трудились вольнонаемные рабочие. Монастырь был окружен мощной каменной стеной¹¹, внутри которой находились 5 каменных церквей с колокольнями и 4 часовни, вне стен – 2 церкви и 12 часовен¹². С конца XVI в. на территории монастыря располагалась тюрьма для осужденных по политическим и церковным делам. В феврале 1854 г. в ходе обсуждения вопроса о вывозе ценностей из монастыря планировалось перевести оттуда и заключенных, однако после переписки между военным министром кн. В.А. Долгоруковым, обер-прокурором Святейшего Синода гр. Н.А. Протасовым и Архангельским военным губернатором Бойлем было принято предложение последнего оставить их на прежнем месте под надзором находившейся там инвалидной команды¹³.

По справедливому замечанию Протасова, вывоз ценностей из Соловецкого монастыря можно было осуществить не раньше мая, когда начиналась навигация и восстанавливалось сообщение с Соловецким островом. 26 марта 1854 г. Святейший Синод предписал указом настоятелю Соловецкого монастыря архимандриту Александру: 1) «по предварительном совещании со старшею братией», назначить подлежащие вывозу из монастыря церковные движимые драгоценности, рукописи и старопечатные книги; 2) составив подробную опись вывозимого, упаковать все «в надежные ящики», опечатать их монастырской печатью и отправить на монастырских «удобных и благонадежных судах» «под надзором надежнейших иеромонахов» в Архангельск или другой прибрежный пункт, который назначит для данной цели Архангельский военный губернатор, а оттуда – «в места, кои указаны будут преосвященным Варлаамом»; сопровождающим груз иеромонахам и лицам, назначенным для того же епископом Варлаамом, находиться там «впредь до разрешения Святейшего Синода»; 3) «самоу же настоятелю с прочей братией, служителями и всеми теми, кто имеет пребывание в Соловецком монастыре, оставаться в оном безвыездно и, призвав на помощь Всевышнего и святых угодников Зосиму и Савватия, принять, при содействии лиц от военного начальства назначенных, все возможные меры к защите монастыря в случае нападения неприятельского»¹⁴. Вице-адмирала Бойля Святейший Синод просил «оказать епархиальному началству и архимандриту всевозможное содействие» «как в охранении драгоценностей во время их перевозки, так и в усилении средств к защите Соловецкого монастыря»¹⁵. Аналогичное предписание было дано Бойлю и от военного министра Долгорукова¹⁶.

7 мая 1854 г. монастырский корабль «Святой великий князь Александр Невский» прибыл в Архангельск, имея на борту 26 ящиков и 4 бочки с драгоценностями, а также 16 ящиков с рукописями и старопечатными книгами. Имущество сопровождали 5 монахов во главе с ризничным, иеромонахом Макарием. Через 5 дней корабль отправился в Антониев Сийский монастырь, куда прибыл 20 мая¹⁷. Бойль обеспечил судну быстрый выход из Архангельского порта и снабдил Макария предписанием, обязывавшим волостные и сельские власти Архангельской губ. «оказывать всевозможное содействие к безостановочной перевозке» имущества к месту назначения¹⁸. Первоначально Синод планировал отправить в Антониев Сийский монастырь «громоздкие драгоценности», а остальные («удобные к пересылке»), а также все рукописи и книги перевезти в Московскую синодальную контору. Однако епископ Варлаам по согласованию с военным губернатором Бойлем решил сначала отправить все в Сийский монастырь, а зимой на наемных подводах (что значительно дешевле и обеспечивает лучшую сохранность) перевезти монастырскую библиотеку в Москву¹⁹. Вскоре планы Синода изменились. В 1855 г. редчайшее рукописное и книжное собрание Соловецкого монастыря было пе-

ревозено в Казанскую духовную академию. Там оно оставалось до 1928 г., когда было передано библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (ныне Российская национальная библиотека)²⁰. Остальные ценности вернулись в Соловецкий монастырь в августе 1856 г.

В соответствии с предписанием Комитета для обороны Соловецкого монастыря по распоряжению Бойля из Архангельска в обитель 12 мая 1854 г. были отправлены на двух монастырских судах 8 пушек 6-фунтового калибра «с боевыми снарядами и прочими принадлежностями, необходимыми для устройства батареи». Туда же были командированы инженерный офицер Бугаевский и фейерверкер Новодвинского артиллерийского гарнизона В. Друшлевский, первый – для устройства и вооружения батареи, второй – для обучения действиям на ней солдат местной инвалидной команды, которая, кроме того, была снабжена боевыми патронами «по 60 на каждое ружье»²¹. Упомянутая об этой мере, Фруменков характеризует ее как недостаточную²². Между тем примерно такое же количество пушек (от 8 до 10) имели все береговые батареи, устроенные в устье Северной Двины на подступах к Архангельску и Новодвинску²³. Правда, орудия на них были большего калибра (от 12 до 36 фунтов), но в данном случае малокалиберные пушки больше подходили для размещения на монастырской стене (учитывая дефицит места и необходимость подъема их на большую высоту). Основная задача батареи заключалась в том, чтобы помешать кораблям противника высадить десант. Главная надежда, безусловно, возлагалась на окружающую монастырь мощную стену. К тому же у Бойля не было реальной возможности вооружить обитель так, как она была вооружена в былые времена²⁴.

Рассказывая о действиях Бойля в Беломорском крае, Фруменков упрекает его как минимум в преступной халатности, неоднократно намекая на возможную измену. При этом большая часть аргументов историка не выдерживает критики. Например, вызывает недоумение такой «аргумент», как национальная принадлежность вице-адмирала: «Понукаемый из столицы, самоуверенный и кичливый сибарит Бойль, англичанин по национальности, вынужден был по долгу службы начать торопливую подготовку к встрече неприятеля, хотя сама идея защиты Русского Севера от англо-французской интервенции была непонятной и чуждой ему»²⁵. Необходимо отметить, что в XVIII–XIX вв. на русской службе находилось немало иностранцев, в том числе англичан, которые честно выполняли свои обязанности. Что касается Романа Платоновича Бойля, то вся его жизнь была связана с Россией, по сути, он был *русским* вице-адмиралом. Его отец, Платон Алексеевич Бойль, перешел на русскую службу из британского флота в 1783 г., а в 1812 г. принял российское подданство. Роман Платонович родился в 1794 г. в России, в 1811 г. окончил Морской кадетский корпус. В течение 42 лет он служил на Балтийском море, пройдя путь от гардемарина (1808 г.) до контр-адмирала (1842 г.), участвовал в военных кампаниях 1812–1814 гг. и русско-турецкой войне 1828–1829 гг., был награжден орденами Св. Владимира 4-й степени и Св. Георгия 4-го класса²⁶. В марте 1850 г. Бойль получил назначение в Архангельск, в 1851 г. был произведен в вице-адмиралы, в апреле 1854 г. за успешное укрепление Архангельска был награжден орденом Св. Анны 1-й степени²⁷.

Цитируя яркие, зазорные, написанные языком народа с ориентацией на его представления и идеалы воззвания Бойля к населению Архангельской губ., целью которых было предотвращение паники и воодушевление на борьбу с врагом, Фруменков полагает, что они «могли создать превратное представление о противнике» и «расхолодить защитников беломорского побережья»²⁸. «Зная, что жители Архангельской губернии народ смывленный, бесстрашный и всегда отважный, – писал вице-адмирал, – я надеюсь, что они, с Божьей помощью, не дадут себя в обиду какому-нибудь сорванцу-пришельцу, который бы, желая пожить чужими нажитыми трудами, вздумал напасть на них; я вполне уверен, что они при своем уме и всегдашнем удалстве постараются даже завладеть неприятелем, если он осмелится показаться на заветных водах нашего Белого моря». Намеренно прибегая к гротеску, Бойль подчеркивал, что неприятель «храбрится только издалека», а при этом «ни весть как боится русских, и если баба какая, хотя в шутку, аукнет из-за угла», то у него «ноги подкосятся, да что-нибудь и

больше делается»²⁹. На самом деле воззвания Бойля к населению – и по содержанию, и по форме – являются типичным примером русской пропаганды военных лет, которая использовалась и до, и после Крымской войны (вспомним «афиши» Московского генерал-губернатора Ф.В. Ростопчина 1812 г. или карикатуры Кукрыниксов периода Великой Отечественной войны). Особенно неуместным, на мой взгляд, выглядит следующее ироничное замечание исследователя: «Даже в самые критические для населения дни Бойль старательно обходил такие слова, как пушки, ружья, боеприпасы... Военный губернатор больше всего уповал на загадочный для него русский характер, на дубины, топоры и самодельные крестьянские пики, считая, видимо, эти предметы национальным русским оружием»³⁰. Между тем хорошо известно, что в Российской империи в военное время стихийно создававшиеся крестьянские отряды самообороны действовали именно таким «национальным оружием», как дубины, вилы и топоры. Что касается настоящего профессионального оружия, то в годы Крымской войны случаи вооружения им государственных крестьян встречались неоднократно. В марте–июне 1854 г. из Петербурга в Архангельск двумя партиями были доставлены упомянутые выше 3 тыс. ружей, которые вместе с боевыми патронами были розданы жителям приморских островов, расположенным вблизи города. Поморам, занимавшимся звериным промыслом и имевшим собственные ружья, Бойль раздал по их просьбе «порох и свинец» для защиты края. Император Николай I одобрил решение вице-адмирала и поручил ему передать жителям поморских селений Архангельской губ. Высочайшую благодарность³¹. Кроме того, в марте 1854 г. по распоряжению Бойля из Архангельского морского арсенала в г. Колу для вооружения местных жителей было выслано 100 кремневых ружей «со всеми принадлежностями»³².

Однако вернемся к Соловецкому монастырю. В мае–июне 1854 г., после вывоза драгоценностей, обитель активно готовилась к обороне. Руководителем и идейным вдохновителем подготовки был архимандрит Александр (Павлович). Этот неординарный человек провел к тому времени в сане настоятеля монастыря чуть менее года (с 25 июля 1853 г.), но, как и на прежних местах своего служения, успел снискать всеобщую любовь и уважение. Современники, знавшие архимандрита Александра, отмечали его яркую, величественную внешность, природный ум, прекрасное образование (он окончил Киевскую духовную академию), твердую веру в Бога и внимательное отношение к нуждам своих прихожан. В прошлом полковой священник³³, он обладал также храбростью, определенными военными навыками и умением спланировать людей в экстремальной обстановке.

Прежде всего, была проведена ревизия монастырского оружия. Необходимо отметить, что после подавления упоминавшегося выше мятежа соловецких иноков против церковной реформы патриарха Никона (1676 г.) монастырь был частично разоружен, а в 1814 г. большую часть оставшихся там пушек вывезли в Новодвинскую крепость. Однако часть оружия монахам удалось спрятать, многие пушки они зарыли в землю. Правда, иноки, жившие в обители в 1850-х гг., смутно представляли, где их следовало искать. В результате удалось выявить 20 орудий, из которых годными к применению оказались лишь 2 пушки 3-фунтового калибра. Остальные лопались при пробах или крошились при попытке очистить их от вековой ржавчины. Из погребов было извлечено около 500 ядер и 20 пудов пороха. (Отмечу, что уже после отражения нападения английской эскадры в монастыре обнаружили еще 20 пригодных к стрельбе орудий калибром от 6 до 18 фунтов³⁴.) 8 привезенных из Архангельска пушек расставили на западной стороне крепостной стены, а также в Стратилатовской и Корожной башнях, 2 маленькие монастырские пушки установили на берегу, при входе в гавань Благополучия, где соорудили скрытую от взора с моря земляную батарею³⁵. По приказу архимандрита были просмолены крыши на всех монастырских зданиях (будучи непросохшими, они не должны были загореться от зажигательных бомб). Повсюду были расставлены емкости с водой и разложены войлоки для тушения возгораний. На случай рукопашного боя монахи достали из Оружейной палаты старинное оружие: копья, бердыши, секиры³⁶.

Для поддержания морального духа обитателей монастыря архимандрит Александр прибегнул также к духовным средствам. Во всех храмах, кроме положенных ежедневно канонов и акафистов, по воскресеньям стал совершаться акафист Иисусу Христу, а по субботам – акафист Божией Матери. По пятницам архимандрит установил строгий пост. В своих проповедях, произнесенных после литургии, он призывал не поддаваться унынию, уповать на помощь Бога, Божией Матери и преподобных основателей обители Зосимы и Савватия, а также вооружиться против неприятеля «молитвою и постом».

Необходимо отметить, что практически все жители Соловков объединились в стремлении отстоять святую обитель. В то время там насчитывалось: монашествующих и послушников – 176 человек, штатных служителей – 24, вольнонаемных и «живущих по усердию» работников – свыше 370 человек³⁷. Кроме того, в монастыре содержались 25 арестантов, которых охраняли 1 офицер, 2 унтер-офицера и 50 солдат инвалидной команды. Из послушников, богомольцев и наемных работников был сформирован отряд добровольцев, которые наряду с солдатами проходили военное обучение под руководством заведовавшего инвалидной командой прапорщика Н. Никоновича и фейерверкера В. Друшлевского. Солдаты обучались в основном артиллерийскому делу (ежедневно с 6 до 9 час.), добровольцы – стрельбе из пушек, ружей и приемам штыкового боя (с 17 до 19 час.).

К защите монастыря архимандрит Александр допустил также 7 человек из числа ссыльных и арестантов. Позднее в донесении в Святейший Синод настоятель отметил, что это были те из них, на кого он «надеялся, а на кого не мог положиться, того и вызова не принял»³⁸. Относительно этих лиц, к которым советские историки проявляли особый интерес, необходимо сделать несколько пояснений. Проследим по документам архива Святейшего Синода, за какие проступки они были заключены в Соловецкий монастырь. Отставной рядовой Н. Веселаго, в 1830 г. разжалованный из поручиков Украинского пехотного полка «за растрату казенных денег и ложный донос», а через 2 года уволенный со службы, был помещен в монастырь в 1836 г. «по собственной просьбе и с Высочайшего разрешения» после того, как «сам себя оговорил в государственном преступлении, от которого впоследствии отрекся»³⁹. Фельдфебель Я. Пыжьянов был заключен в монастырь в 1846 г. «без объявления (монастырскому начальству. – Л.М.) причин, за что именно», титулярный советник И. Якубовский – в 1847 г. «за нетрезвую жизнь и буйство», бывший студент Е. Андрузский – в 1850 г. «за вредный образ мыслей и злонамеренные сочинения», неслужащий дворянин А. Мандрыка – в 1852 г. по просьбе своего отца генерал-лейтенанта Н.Я. Мандрыки «за оскорбление святыни в церкви села Чепчугов Казанского уезда», рекрут из крестьян И. Шурупов – в 1851 г. «за упорство в отказе присягнуть на верность службы, происходящее от внушений молоканской секты», бывший придворный певчий А. Орловский – в 1851 г. «за безбожие»⁴⁰. При этом Веселаго и Якубовский были изначально помещены «на жительство в монастыре между братией», а Пыжьянов и Орловский после нескольких лет пребывания в арестантском отделении за хорошее поведение были переведены в число послушников. Остальные трое, хотя и содержались в арестантском отделении, регулярно ходили в церковь на богослужение, читали книги религиозного содержания, беседовали со священниками, в результате чего осознали свои ошибки. Андрузский, единственный из всех осужденный по политическому делу, по словам настоятеля, утверждал, что пребывание в монастыре «совершенно изменило его убеждения и утвердило в истинных понятиях о властях, отечестве и народности»⁴¹. Таким образом, вопреки утверждению Фруменкова, у «царизма» не было особых оснований «не доверять» этим людям, и решение допустить их к обороне монастыря архимандрит Александр принял вполне сознательно, а не «на свой страх и риск»⁴².

6 июля 1854 г. в восьмом часу утра дозорные с монастырской башни увидели 2 неприятельских судна, которые, приблизившись к обители на расстояние в 10 верст, встали на якорь. Это были английские трехмачтовые пароходно-фрегаты: 14-пушечный «Бриск» (под командованием капитана Ф.Б.П. Сеймура) и 15-пушечная «Миранда» (капитан – Э.М. Лайонс). (В данное время в Белом море находилась английская эс-

кадра из 3 кораблей: двух вышеупомянутых и 24-пушечного фрегата «Эвридика» под общим командованием капитана последнего судна Э. Омманея (Оммани). «Эвридика», вероятно, в связи с мелководьем, к Соловецкому монастырю не подходила⁴³. Получив тревожное известие, архимандрит Александр, прежде всего, отслужил молебен Божией Матери и преподобным Зосиме и Савватию и провел крестный ход с чудотворными иконами вокруг монастыря по крепостной стене. Затем он обратился к солдатам и другим обитателям монастыря с призывом «стать храбро за веру, за святую обитель», заверив их, что «каждый получит награду от Бога и от царя»⁴⁴.

Через 5 часов корабли снялись с якоря и поплыли по направлению к Кеми. Настоятель монастыря и прапорщик Никонович в сопровождении небольшого отряда, взяв две 3-фунтовые пушки, верхом отправились следить за неприятелем. Около четырех часов они передвигались по острову, после чего увидели, что фрегаты возвращаются. Отец Александр и Никонович отправились в монастырь, а фейерверкер Друшлевский, 2 унтер-офицера, 10 рядовых и несколько добровольцев с двумя вышеупомянутыми орудиями заняли позицию на приготовленной накануне береговой батарее. Корабли подошли к монастырю на расстояние пушечного выстрела, при этом «Миранда» остановилась напротив невидимой с моря батареи, а «Бриск» встал на якорь за Кладбищенским мысом. Англичане попытались вступить в переговоры при помощи сигнальных флажков. Однако эту азбуку в обители не знали, поэтому ответа не последовало. Тогда с борта «Миранды» было сделано 3 выстрела, на которые залпом из двух орудий ответили артиллеристы Друшлевского. В исторической литературе встречается утверждение, что первые выстрелы англичан были холостыми, рассчитанными лишь на то, чтобы привлечь внимание, но соловецкие артиллеристы, неправильно истолковав их как начало обстрела, якобы спровоцировали нападение на монастырь⁴⁵. Однако это противоречит донесению в Святейший Синод архимандрита Александра, где говорится, что «неприятельское судно» сразу «пустило ядро в монастырь, в Святые ворота, но не попало, а в стену, и стало продолжать бомбардировку... по третьем выстреле сделан выстрел с нашей батарее»⁴⁶. Так или иначе, но поединок начался.

«Миранда» ожесточенно бомбардировала монастырь. Ядра, пущенные в ответ с монастырской стены, до корабля не долетали. Зато береговой батарее после нескольких выстрелов удалось попасть в атакующее судно, сделав в нем пробоину. Поврежденный фрегат, совершив еще около 30 залпов, удалился за Кладбищенский мыс для ремонта. Поскольку прикрытие батареи было повреждено снарядами противника, соловецкие артиллеристы по окончании канонады передвинули орудия на оконечность мыса, в более удобное место. (Ночью солдаты, монахи и послушники соорудили там необходимые укрепления.) Вскоре туда прибыл архимандрит Александр. Он поцеловал Друшлевского и «поздравил всех, находившихся в батарее, с славною победою и царскою наградою»⁴⁷.

7 июля в 5 час. утра с парохода-фрегата «Бриск» на гребном судне под белым флагом на берег была доставлена депеша, адресованная «Его Высокоблагородию, главному офицеру по военной части Соловецкой». В документе, составленном на английском и ломаном русском языках, говорилось, что Соловецкий монастырь «принял на себя характер военной крепости», откуда солдаты гарнизона государя всероссийского «палили на английский флаг». В качестве удовлетворения монастырю предлагались «следующие кондиции»: 1) безусловная капитуляция всего гарнизона, находившегося на Соловецком острове, «вместе со всеми пушками, оружием, флагами и военными припасами»; 2) в случае какого-нибудь нападения на парламентарский флаг, с которым передана «сия бумага», немедленно последует бомбардирование монастыря; 3) комендант гарнизона должен сам передать свою шпагу на военном пароходе «Бриск» не позднее, чем через 3 часа после получения документа, в противном случае начнется обстрел обители; 4) весь гарнизон со всем оружием должен сдаться как военнопленные на острове Песий в Соловецкой бухте не позже, чем через 6 часов после получения бумаги. Русский вариант ультиматума был подписан: «Эразмус Омманей, капитан фрегата Е.В.В. (Ея Великобританского Величества. – Л.М.) “Юридисей” (правильно

«Эвридика» – “Eurydice”. – Л.М.) и главный командующий эскадрона в Белом море, и проч., и проч., и проч.»⁴⁸. Английский переводчик, плохо знавший русский язык, перепутал термины «эскадра» и «эскадрон», в связи с чем на страницах «Русского инвалида» Омманей вскоре был иронично назван «начальником морской Английской конницы на Белом море»⁴⁹. Что касается «Эвридики», то неправильно записанная транскрипция названия корабля, не исправленная слабо знакомыми с английским языком публикаторами документа в «Русском инвалиде» (1854 г.), привела к тому, что из российской историографии практически исчез фрегат «Эвридика», зато появился никогда не существовавший «Юридисей», которым некоторые авторы даже пытались заменить «Миранду»⁵⁰.

Сразу после получения депеши архимандрит Александр, посоветовавшись с соборными старцами и начальником инвалидной команды, написал ответное послание за коллективной подписью «Соловецкий монастырь». Прежде всего, в письме подчеркивалось, что обитель оборонялась: русские пушки открыли огонь уже после того, как «с парохода началась пальба в монастырь ядрами». Далее давался ответ на каждый пункт ультиматума: 1) «гарнизона солдат Его Императорского Величества монастырь не имеет, а только солдат для охранения... монашествующих и богомольцев», и, следовательно, «сдавать... нечего», флагов, оружия и прочего не имеется; 2) «нападения со стороны монастыря на парламентерский флаг не могло последовать, и не сделано»; 3) «коменданта гарнизона в Соловецком монастыре никогда не бывало, и теперь нет»; 4) «так как в монастыре гарнизона нет, а только охраняющие солдаты... то и сдаваться как военнопленным некому»⁵¹.

Ответ был послан на шлюпке с проживавшим в обители богомольцем отставным коллежским асессором П. Соколовым, который был встречен английским офицером в так называемой нейтральной зоне (в половине пути до корабля). Офицер объявил Соколову, что ввиду отклонения предъявленных требований вскоре «начнется бомбардирование, и монастырь совсем будет разорен», а также уведомил его о желании командования высадить на остров «находившихся на пароходе русских пленных». Однако посланец ответил, что без согласия архимандрита их не примут на берег. Отец Александр полагал, что под видом пленных англичане собирались высадить свой десант, однако, увидев выглядывавших из-за леса охотников с ружьями, отказались от этой мысли⁵².

В 7 час. 45 мин. с обоих кораблей началась сильнейшая канонада. В течение 9 с четвертью часов на обитель сыпались 3-пудовые, 96-, 36- и 24-фунтовые каленые ядра, а также картечь, гранаты и бомбы. 10 монастырских пушек активно отстреливались. По свидетельству очевидца, купца Коковина, архимандрит Александр «во все время осады монастыря распоряжался с непоколебимою твердостью духа и своим примером вселял бодрость в братию и служителей монастырских, которые охотно помогали нижним чинам... под выстрелами неприятельскими, а робких увещевал оставаться в церкви или кельях, с упованием на защиту небесную, чем и придал братии общую бодрость»⁵³. В 3 церквях монастыря проводилось богослужение «для испрошения у Господа Бога против врагов помощи». Рискуя жизнью, монахи под свист ядер еще раз прошли крестным ходом с чудотворными иконами по монастырской стене. По окончании крестного хода архимандрит вновь направил на стену монаха Геннадия с чудотворным образом Божией Матери, «чтобы находящиеся на ней у пушек и для разных других работ люди могли приложиться к Царице Небесной»⁵⁴. В течение всего обстрела в обители не прекращалось молебное пение. Вера укрепляла мужество защитников обители. Вот лишь один пример из донесения отца Александра военному губернатору Бойлю от 10 июля: «Рядовой Николай Яшников из батареи прошел в монастырь под сильными выстрелами и просил меня дать им туда икону, я удивился, как он пробежал, и мне отвечал: “Я штрафованный, желаю умереть за веру и святую обитель”, я ему дал благословение и отпустил, он также благополучно возвратился обратно в батарею»⁵⁵.

Сообщая Синоду об обороне монастыря, архимандрит Александр свидетельствовал «об отличном исполнении своей обязанности всею братиею, послушниками, бого-

мольцами и инвалидной командой»⁵⁶. Из братии он особо отметил наместника, иеромонаха Матфея, бывшего «отличным помощником» настоятеля «по всем частям для предохранения от пожара» и бегавшего «под выстрелами для распоряжения», духовника иеромонаха Варнаву, исповедовавшего всех и увещевавшего не страшиться смерти, и благочинного иеромонаха Николая, «с охотою» исполнившего распоряжение архимандрита об освящении батарей. Из военных чинов в эти дни отличились: прапорщик Никонович, «храбро исполнявший свое дело с распорядительностью и хладнокровием», фейерверкер Друшлевский, нанесший, как отмечалось выше, повреждение английскому кораблю, унтер-офицеры Пономарев и Николаев, сражавшиеся на береговой батарее, и 20 солдат, находившиеся там попеременно. «Многие из них, будучи штрафованы, – писал отец Александр, – сим желали очистить себя». Из «охотников», которые располагались в лесу на побережье и стреляли по неприятельским судам из ружей, настоятель отметил П. Соколова, отставного унтер-офицера Н. Крылова, норвежца А. Гардера, прибывшего в монастырь «из любопытства» примерно за неделю до рассматриваемых событий, а также упоминавшихся выше ссыльных и заключенных: Пыжьянова, Веселаго, Якубовского, Орловского, Андрузского, Мандрыку и Шурупова. Ружейные выстрелы, конечно, не наносили никакого вреда кораблям, однако стрелки верили в то, что им удастся хотя бы частично отвлечь на себя внимание противника, время от времени посылавшего в них картечь, и тем самым оказать помощь монастырю. Все перечисленные лица были представлены настоятелем к наградам и поощрениям⁵⁷.

Около полудня один из пароходо-фрегатов противника обогнул Песий остров, приблизился к обители и начал обстреливать береговую батарею с тыла. В сложившейся обстановке унтер-офицеры Пономарев и Николаев приняли решение снять с позиций лишённые защиты подвижные орудия и доставить их в монастырь. Эту задачу на лошадях под мощным огнем противника выполнили 2 солдата-добровольца. Остальные артиллеристы добрались до обители морским путем, на шлюпке. На этом береговая батарея закончила свое существование, однако огонь крепостных пушек по приблизившемуся кораблю стал более эффективным.

К 5 час. вечера канонада стихла. На следующий день в 7 час. утра корабли снялись с якоря и ушли в море. Несмотря на сильный двухдневный обстрел, убитых и раненых среди защитников обители не было, а монастырские здания пострадали незначительно⁵⁸. Закономерно, что отец Александр, как и его современники, объяснил это «великим ходатайством и заступлением пред Богом соловецких чудотворцев о святой обители»⁵⁹. Показательным в этом смысле, несомненно, является тот факт, что 2 участника сражения – иноверец А. Гардер и раскольник Шурупов – решили принять православие. Шурупов, отказывавшийся прежде от принесения присяги, изъявил желание поступить на службу в Соловецкую инвалидную команду. Сакральный смысл настоятель видел и в том, что последний выстрел в монастырь был сделан в то время, когда колокол возвестил время молитвы «заступнице усердной нашего Отечества Казанской Божией Матери», а бомба при этом пробила верхнюю часть иконы «Знамение», находившейся над западными дверями Преображенского собора («Эту рану, – писал отец Александр, – благоволила Царица Небесная принять за нас, как Сын Ея за весь мир»), и в том, что корабли снялись с якоря после того, как иноки в третий раз прошли крестным ходом по монастырской стене⁶⁰.

Два донесения архимандрита Александра в Святейший Синод (с изложением происшедших событий и с перечнем отличившихся лиц) были получены в Петербурге 21 июля. На следующий день обер-прокурор Протасов представил их в подлиннике Николаю I вместе с ходатайством Синода о награждении Александра наперсным, украшенным драгоценными камнями, крестом на Георгиевской ленте, а иеромонахов – наместника Матфея, духовника Варнаву и благочинного Николая – золотыми наперсными крестами на Георгиевской ленте, а также с просьбой о разрешении войти в сношение с военным министром кн. Долгоруковым и начальником III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии (далее – СЕИВК) гр. А.Ф. Орловым по поводу

отличившихся военных чинов и арестантов. На представлении Протасова император собственноручно написал: «Совершенно согласен; достойно всякой похвалы»⁶¹.

Вскоре Долгоруков передал Протасову поручение Николая I сделать выборку из донесения архимандрита Александра для публикации в «Русском инвалиде», а также организовать его перевод на французский язык для короля Прусского⁶². При подготовке документа к печати обер-прокурор сделал в нем лишь «весьма немногие исключения», полагая, что «русским читателям будет приятно и вместе назидательно прочесть сие донесение со всеми подробностями, как они вслед за событием описаны в церковном духе настоятелем обители, которому в сем случае привелось быть и главным действующим лицом»⁶³.

Публикация этого документа, а также официальные сообщения о бомбардировке Соловецкого монастыря вызвали живой религиозно-патриотический отклик в российском обществе. Известный историк М. Погодин писал в «Московских ведомостях» по поводу «Соловецкого донесения»: «Его нельзя довольно начитать... Здесь все любопытно, все важно, все дорого, везде бьется сердце, везде дышит горячая любовь, смелая надежда, твердая вера, везде блистает во всей красоте своей этот здравый смысл, этот ясный толк, которым отличается Русский человек». Назвав спасение обители от вражеской угрозы настоящим чудом, Погодин в «самой мысли англичан напасть на монастырь» («военного вреда причинить они не могли, выгоды получить себе также») увидел некое предопределение, необходимое для явления на Земле «Божиих дел»⁶⁴. Публицист А. Горайнов отмечал на страницах «Русского инвалида»: «Перечитывая донесение соловецкого архимандрита Святейшему Синоду о нападении англичан на монастырь, нельзя не убедиться, что только у нас вера христианская хранится во всей ее непорочности. Страдает ли, торжествует ли православная Церковь, все равно – ни муки, ни процветание несильны ее ни поколебать, ни исказить; она тверда, как краеугольный камень, на котором Спаситель основал свой престол. Гонимая у славян на Востоке, она не слабеет перед нечестьем неверных, терпит и надеется; благоденствующая в России, она борется с этим нечестьем и поборает его. Так подвизалась на страже Христовой Соловецкая братия в страшную для нее годину 6, 7 и 8-го июля. Защита этой обители имеет характер воинственный и вместе глубоко религиозный, возможный в одной России»⁶⁵. Церковный историк и писатель-паломник А.Н. Муравьев, автор знаменитого «Ответа господину Э. Боре на вопрос о святых местах», в 1855 г. опубликовал брошюру «Подвиги Соловецкой обители», выполненную с православных позиций и основанную на свидетельствах очевидцев. Эта работа, предложенная автором «во услышание и утешение всей земле Русской», пользовалась большим спросом, выдержав 11 изданий.

Между тем, поскольку после отражения нападения на монастырь дальнейшие намерения англичан не были ясны, архимандрит Александр решил пополнить запасы боеприпасов и вооружения. Вечером 7 июля, когда английские корабли еще стояли напротив обители, с противоположной стороны острова в Архангельск на баркасе отправился иеромонах с письмом настоятеля к военному губернатору. В письме сообщалось о состоявшемся сражении, о текущих нуждах обители (в частности, о непригодности к стрельбе большей части ружей), и содержалась просьба «оказать в сем бедственном монастырском положении всевозможное пособие присылкою... в самоскорейшем времени воинской команды, исправных ружей и потребных припасов и снарядов, а в особенности до 20 пудов пороха»⁶⁶. Бойль выделил посланцу лишь 2 пуда пороха и 20 ядер. Сообщая об этом военному министру, он отмечал, что «других распоряжений по доставке в монастырь подкреплений сделать нельзя», так как «это сопряжено с опасностью от неприятеля»⁶⁷. Неудовлетворенному иеромонаху удалось купить в Архангельске частным порядком еще около 8 пудов пороха, которые вместе с полученными от военного губернатора боеприпасами 16 июля были благополучно доставлены в монастырь. Что касается просьбы настоятеля о присылке воинской команды и исправных ружей, то 18 июля Бойль командировал из Архангелогородского гарнизонного батальона на Соловки отряд из 20 солдат, 2 унтер-офицеров и 1 обер-офицера, а также

послал с этим отрядом «20 новых ружей, взамен оказавшихся в инвалидной команде ненадежными»⁶⁸.

12 июля Бойль направил своего адъютанта лейтенанта Бруннера в инспекторскую поездку по всему берегу – от Архангельска через Онегу и Кемь в Соловецкий монастырь и Колу. Бруннер пробыл в обители 10 дней. Осмотрев 3 крепостных батареи, он сделал в одной из них некоторые улучшения: защитил ее бруствером и устроил печь для каления ядер. Две пушки 3-фунтового калибра были приспособлены им к действиям полевой артиллерии для отражения высадки десанта. В отчете Бойлю Бруннер высоко оценил моральное состояние и боевую подготовку защитников монастыря, но отметил недостаток вооружения и боеприпасов⁶⁹.

В это время активным борцом за укрепление Соловецкого монастыря выступил епископ Архангельский и Холмогорский Варлаам (Успенский). 13 и 14 июля он уже направлял в Святейший Синод рапорты с сообщением о бомбардировании англичанами Соловецкой обители и о вторжении их в Онежский Крестный монастырь, откуда они вывезли колокол весом 6 пудов («будто бы в презент для сигналов в туманные ночи»), 2 из 7 имевшихся там пушек (3 были брошены ими в колодец, а 2, «с которыми не могли управиться», оставлены на прежнем месте у ворот), несколько старинных мушкетеров, 10 золотых полумпериалов, а также кое-что из посуды и личных вещей монахов⁷⁰.

17 июля епископ вновь направил в Синод отчаянный рапорт, фактически содержащий донос на Архангельского военного губернатора. Напоминая о «бедственном положении» Соловецкого монастыря, епископ отмечал, что присланный оттуда нарочный иеромонах «со слезами и едва не на коленях» просил военного губернатора «отпустить хотя бы одного только пороха, который более всего был нужен для обители», но Бойль «по каким-то причинам (курсив мой. – Л.М.) не согласился удовлетворить его прошению о крайней нужде монастыря». Варлаам сообщал об идущих в Архангельске разговорах, что «если англичане займут Соловецкую обитель, то найдут там для себя все, не исключая и самого дока для стояния кораблей на зиму, а потому не оставят ее уже более» и монастырь «будет для них на Белом море то же, что остров Мальта», а «бедные поморы лишатся всех выгод от промышленности своей рыбою и помрут... голодной смертью», а также о своей неудачной поездке к военному губернатору, во время которой епископ «почти с горестными же слезами просил дать всевозможные средства к защите от врага обители Соловецкой, но... получил в ответ только то, что до наступления осени, когда... уйдут враги восвоюси, ничего для обители он сделать не может, а послал только туда теперь офицера осмотреть, где и какие места более слабы для вторжения врага и требуют... укрепления». Предполагая, что англичане еще вернутся к монастырю, о богатствах которого они расспрашивали во время пребывания в Онеге, Варлаам просил Синод «поручить г. обер-прокурору гр. Протасову взойти в немедленное сношение с г. министром военным или внутренних дел, дабы предписано было г. военному губернатору г. Архангельска без замедления удовлетворить всем нуждам Соловецкой обители»⁷¹.

Необходимо сказать несколько слов о личности епископа Варлаама и об отношениях, сложившихся у него с вице-адмиралом Бойлем. Варлаам, занимавший Архангельскую кафедру в течение 9 лет, обладал очень непростым характером. Современники, хорошо знавшие епископа, характеризовали его как своенравного, фанатичного, запальчивого, крайне упрямого человека, готового «идти на нож из-за своих убеждений, хотя бы они были ошибочны»⁷². На прежнем месте служения (до назначения в Архангельск Варлаам был викарием Киевской епархии) он серьезно поссорился с местным генерал-губернатором Д.Г. Бибиковым и неоднократно вступал в противоречие с митрополитом Филаретом (Амфитеатровым). Уже находясь в Архангельске, Варлаам по поводу ряда поднятых им церковных вопросов получил строгий выговор Святейшего Синода, предписавшего ему впредь поступать «рассудительно» и «благоразумно»⁷³. С началом Крымской войны епископ начал вести активную переписку с Архангельским военным губернатором и Синодом. «На такого фанатика и энтузиаста, каков был он, – пишет Н.Ф. Дубровин, – военные события произвели бы сильное впечатление

даже и тогда, когда театр их находился бы вдали от него, а тут неприятельские корабли начали крейсировать на Белом море, в пределах епархии Варлаама»⁷⁴.

После объявления Архангельской губ. на военном положении епископ, следуя указу Синода, согласно которому он должен был действовать по указаниям главного начальника края в отношении сохранения церковного имущества и во внушении духовенству и пастве необходимости исполнять распоряжения властей, предложил Бойлю эвакуировать из церквей и монастырей *все* ценности. Однако вице-адмирал, разрешив вывоз драгоценных вещей и манускриптов, во избежание «могущего произойти в народе уныния и беспокойства» запретил перевозку из приморских мест всего церковного имущества⁷⁵. Вскоре Варлаам попросил укрепить «гарнизонам и орудиями» находившийся при одном из устьев Северной Двины Николаевский монастырь, настоятелем которого он был, а также все монастыри, располагавшиеся на побережье Белого моря. Естественно, Бойль полагал, что «укреплять монастыри, в которых по два человека монахов, было бы совершенно бесполезно». Что касается Николаевского монастыря, то он «защищен самою природою, да и по бедности своей» вряд ли «привлечет неприятеля»⁷⁶. Епископ настоятельно просил Бойля сообщать ему обо всех военных событиях и распоряжениях по губернии. Узнав по каким-либо каналам о передвижении неприятельских кораблей по Белому морю, он неоднократно спешно приезжал к военному губернатору, однако каждый раз получал от него уверение, что ничего страшного не происходит и ситуация находится под контролем⁷⁷. Наконец, Варлаам решил, что Бойль в силу своей национальной принадлежности сочувствует неприятелю и не принимает должных мер для укрепления обороноспособности Беломорского края. Последние капли стали известия о невыполнении военным губернатором просьбы архимандрита Александра о присылке солдат и боеприпасов в Соловецкий монастырь. Епископ решил обратиться в вышестоящие инстанции.

Репорты Варлаама были представлены обер-прокурором Синода Протасовым военному министру Долгорукову 24 и 26 июля и вскоре дошли до сведения императора Николая I. Практически сразу по получении первого из них военный министр сообщил Архангельскому военному губернатору «Высочайшую волю» сделать «необходимые, по мнению его, распоряжения к удовлетворению ходатайств монастырского начальства». При этом особое внимание было обращено «на неисправное, по отзыву настоятеля, состояние ружей находящейся при монастыре инвалидной команды». Через несколько дней Бойлю было вторично предписано оказать «всевозможное с его стороны содействие к снабжению монастыря требующимися для оного военными припасами»⁷⁸.

Будучи уверенным в своей правоте, Бойль в первый раз ответил военному министру, что «в настоящее время, когда неприятельские суда крейсируют по всем направлениям, отправлять морем порох или другие военные снаряды в большом количестве невозможно», и поэтому он решил доставлять «таковые в приморские пункты частями, по мере надобности, на мелких судах, с тем, чтобы в случае встречи с неприятелем бросать весь груз в воду». Узнав «о бывшем расходе в Соловецком монастыре пороха и боевых снарядов» («после отражения неприятеля») он уже «отправил то и другое в дополнение к имеющимся там запасам»⁷⁹. Получив во второй раз на протяжении одной недели отношение «об усилении мер к защите Соловецкого монастыря», Бойль потерял терпение. Еще раз повторив свои аргументы и заверив, что «новое подкрепление», сопряженное в данный момент с риском, будет оказано обители «при первой возможности», вице-адмирал передал также в военное министерство «некоторые замечания, касающиеся преосвященного Варлаама... который своим ходатайством возбудил переписку по означенному предмету»⁸⁰. Раздраженный Бойль решил не щадить Варлаама. В письме Долгорукову от 11 августа 1854 г. он выдвинул против епископа ответные обвинения.

«Преосвященный Варлаам, как мне известно из моих с ним разговоров, – писал вице-адмирал, – расстраивает себя тем, что, предаваясь напрасной и непомерной боязни неприятельского нападения, верит происходящим от этого страха тревожным снам и вступает в откровенную беседу о настоящих политических делах с людьми, до такой

же степени боязливými и так же мало понимающими военное и морское дело, как сам преосвященный. В этих беседах епископ... высказывает свои, ни на чем не основанные, опасения и даже в произносимых в церквях проповедях, увлекаясь своими ошибочными убеждениями, бывает так неосторожен, что словами своими не ободряет слушателей, как бы следовало пастырю, но, напротив, приводит в уныние и внушает недоверие к начальству, как передано мне об этом некоторыми почетнейшими лицами Архангельска, заслуживающими полное доверие. Я... стараюсь урезонить и успокоить преосвященного... объясняю ему, какие меры приняты к защите края от неприятеля и как эти меры надежны. Но все это для него недостаточно... Все Высочайше одобренные меры к обороне здешнего края, а также и Соловецкого монастыря, своевременно приняты. Между тем преосвященному и монашествующим из статистических описаний известно, что в 1801 г. в Соловецком монастыре находилось 1 500 солдат с полевой артиллерией под начальством генерала Дохтурова, да и в Архангельске войска было гораздо более, нежели ныне, а потому в настоящее время, что бы ни было сделано для монастыря, для монашествующих будет казаться это, по сравнению с 1801 г., недостаточным»⁸¹.

Содержание письма Бойля было доложено военным министром императору, который приказал обер-прокурору Синода «принять меры к устранению вредного влияния на умы паствы Архангельской епархии, которого можно ожидать от тревожного состояния духа преосвященного Варлаама по поводу военных обстоятельств края»⁸². Вскоре Протасов представил Николаю I на утверждение предложение Святейшего Синода о немедленной командировке в Архангельск члена Синода архиепископа Олонецкого Аркадия (Федорова), который должен был, вникнув в суть дела, сделать необходимое «вразумление и наставление» епископу Варлааму, «если таковую меру признает по местным обстоятельствам достаточною». В противном случае Аркадию следовало на основании особого секретного указа самому вступить в управление Архангельской епархией, вручив Варлааму предписание Синода сдать епархию и немедленно прибыть в Петербург. Во избежание преждевременных «излишних толков» Синод предлагал командировать Аркадия в Архангельск под видом обозрения его собственной Олонецкой епархии. К официальной части доклада Протасов добавлял также интересные наблюдения: «Уже с самого начала вступления вице-адмирала Бойля в управление вверенной ему губернией постоянно замечаемы были между ним и преосвященным Варлаамом пререкания в делах, увеличившиеся от поступавших неоднократно жалоб преосвященного на недостаток содействия местных гражданских властей благосостоянию епархии. Пререкания сии не могли, конечно, не иметь влияния и на настоящий отзыв вице-адмирала Бойля, что касается преосвященного Варлаама, то доселе можно было упрекать его не в слабости духа, а, напротив, в излишней энергии, превращавшейся иногда в строптивость»⁸³. 27 августа Николай I утвердил предложение Синода, а 10 сентября архиепископ Аркадий прибыл в Архангельск.

В течение недели Аркадий ежедневно беседовал с Варлаамом, несколько раз встречался с Бойлем и другими чиновниками. 17 сентября он сообщил Синоду о своих наблюдениях и принятом решении. По мнению Аркадия, «причинами недоразумений между преосвященным Варлаамом и военным губернатором послужили следующие три обстоятельства: 1) «Бойль не все свои... сведения и распоряжения открывал преосвященному», как бы последнему того хотелось; 2) епископ «по некоторым своим требованиям в защиту» отдельных «мест епархиального управления от нападения неприятелей не получал от военного губернатора желаемого удовлетворения»; 3) «Бойль по происхождению англичанин и по вере принадлежит к англиканской Церкви»⁸⁴. В беседах с Аркадием Варлаам признался, что действительно верит снам, которым «издавна ведет запись», и что «о некоторых из них говорил с другими». Не отрицал он и того факта, что в поспешно сочиненные им проповеди «могли вкрадываться мысли и выражения, дававшие людям предубежденным повод недоразумевать о некоторых лицах и должностных распоряжениях их». Аркадий подчеркивал, что своими наставлениями он всячески старался «поставить Варлаама в надлежащее отношение к Ар-

хангельскому военному губернатору», а также взял с него слово не говорить более ни с кем о своих снах, осмотнительнее сочинять проповеди и вообще быть осторожнее в разговорах, однако, чувствуя укоренившееся в епископе недоверие к Бойлю, решил, что «нельзя с основательностью предполагать, чтобы принятые меры могли вполне достигнуть цели». Поэтому, следуя вышеупомянутому секретному указу, 17 сентября Аркадий предъявил Варлааму предписание Синода о сдаче ему Архангельской епархии и немедленном отъезде в Петербург⁸⁵. Через месяц, согласно соответствующему указу Синода от 2 октября 1854 г., Аркадий сообщил в столицу подробности и дополнительные детали продолжавшегося следствия. В частности, архиепископ указал, что Варлаам «был неумерен в своих требованиях к Бойлю», в результате чего военный губернатор отвечал не на все из них; «намеренно увеличивал опасность»; «явно обнаруживал недоверие к главному начальнику края»; наконец, «показывал свою ревность только относительно сохранения церковного имущества», но «не внушал духовенству и пастве повиновения местному гражданскому начальству, как требовалось синодальным указом»⁸⁶.

Между тем вице-адмирал Бойль, немного поустыив, решил заступиться за Варлаама. 22 сентября 1854 г. он направил Протасову письмо, в котором подчеркнул, что «преосвященный Варлаам в продолжение 9-летнего пребывания своего в Архангельске отличался примерно строгою, безукоризненною жизнью и управлял вверенною ему епархией с похвалою; только в последнее время, при открытии на Белом море неприятельских действий, он увлекся внушениями людей несведущих и малодушных о преувеличенных опасностях и в сем напрасном страхе имел неосторожность высказать в проповеди свое недоверие к достаточности обороны здешнего края». По мнению Архангельского военного губернатора, «примерная нравственность и достоинства преосвященного Варлаама могли бы быть полезны в сане архипастыря где-либо во внутренних, удаленных от театра войны епархиях»⁸⁷. 4 декабря 1854 г. епископ Варлаам был назначен на Пензенскую архиерейскую кафедру.

Выполняя обещание о «новом подкреплении» Соловецкого монастыря, в начале октября 1854 г. Бойль направил туда 4 пушки 18-фунтового калибра, снаряды, а также отряд из 80 солдат и 4 унтер-офицеров под командованием штабс-капитана Степанова, который как старший по званию сменил прапорщика Никоновича, приняв в свое ведение Соловецкую инвалидную команду⁸⁸. Тем не менее архимандрит Александр считал, что и этих мер не вполне достаточно для отражения возможного нового нападения на монастырь. 17 декабря Александр с разрешения Святейшего Синода прибыл в Петербург «для объяснения нужд обители при настоящих военных обстоятельствах». Уже на следующий день он представил Протасову прошение с точным указанием вооружения и состава воинской команды, которые имел в то время монастырь, а также списком того, чего, по мнению настоятеля, обители недоставало. В последний перечень входили: пять 3-фунтовых пушек («которые с удобностью могут быть переносимы руками с места на место»); заряды и снаряды для всех монастырских орудий (в том числе и для тех 20, которые были отысканы в обители после событий 6–7 июля); 300 ружей и патроны; 250 пудов пороха; а также 1 артиллерийский офицер, 50 нижних чинов и медик⁸⁹. 30 декабря содержание просьбы настоятеля Соловецкого монастыря было представлено Протасовым императору, который распорядился войти в соответствующее «сношение с военным начальством». Вскоре архимандрит был очень благосклонно принят Николаем I. Отмечу, что правительство в значительной степени удовлетворило прошение отца Александра⁹⁰. Теперь монастырь был готов отразить любое нападение неприятеля, однако, вопреки ожиданиям, осада не повторилась. В 1855 г. англичане вновь подошли к Соловкам, но на этот раз ограничились лишь переговорами с настоятелем о закупке провианта. Архимандрит ответил отказом.

За мужество, проявленное при обороне Соловецкого монастыря 6–7 июля 1854 г., помимо указанных выше духовных лиц, были награждены все чины инвалидной команды и добровольцы, отмеченные в донесениях архимандрита Александра. Прапорщик Никонович был пожалован орденом Св. Анны 3-й степени с бантом, фейер-

веркер Друшлевский – знаком отличия Военного ордена и следующим классом, унтер-офицеры П. Николаев, Х. Пономарев и Н. Крылов – знаком отличия Военного ордена. Более 20 солдат были удостоены наград и поощрений: 13 из них получили денежные премии в размере 15 руб., шестерым простили штрафы, двоим объявили благодарность начальства⁹¹. Отставной коллежский асессор П. Соколов и норвежец А. Гардер (принявший в 1855 г. российское подданство и православие) были награждены денежными премиями в размере соответственно 250 руб. и 75 руб.⁹²

Необходимо отметить, что к награждению защитников Соловецкой обители отец Александр подошел отнюдь не формально. Он внимательно следил за получением ими наград и поощрений, несколько раз обращался к обер-прокурору Синода, прося его по возможности ускорить этот процесс. Так, например, в письме Протасову от 21 сентября 1854 г., сообщая о получении Высочайше пожалованного ему креста, архимандрит отмечал, что не наденет его на себя до тех пор, «пока и другим не пришлются награды». «Тогда, – восклицал настоятель, – все совокупно принесем молитвы и благодарение за Царя и начальство, разделим нашу радость... Я буду считать свою совесть чистою, и пред Богом и пред воинами, когда они получают достойное по делам своим»⁹³. Для Х. Пономарева, который изначально, в отличие от других унтер-офицеров, был награжден денежной премией в 25 руб., архимандрит Александр исходатайствовал знак отличия Военного ордена. Прося Протасова о содействии, отец Александр напоминал о заслугах Пономарева во время обороны монастыря и подчеркивал, что предшествовавшей безупречной службой, «честностью, опытностью и способностью» он «преимущество имеет пред прочими унтер-офицерами, получившими военный орден». «Наградоу этою, – писал архимандрит, – Вы усугубите храбрость во всех воинских чинах при Соловецкой команде, а мне доставите радость, что я оправдал мое попечение за их усердие при нападении неприятеля на обитель»⁹⁴. Для А. Гардера отец Александр пытался добиться серебряной медали с надписью «За усердие», однако император Николай I не утвердил соответствующее ходатайство обер-прокурора на том основании, что он уже получил за участие в обороне монастыря денежную награду.

Отличившиеся в сражении на Соловках ссыльные и заключенные были удостоены «мер снисхождения к смягчению их участи»: Н. Веселаго был перемещен в Валаамский монастырь, А. Мандрыка помещен на жительство с послушниками, Е. Андрузский освобожден из монастыря «с определением на службу в Архангельск под строжайшим надзором местного начальства», Якубовский был также освобожден «с назначением на жительство под надзор полиции в Архангельск». А. Орловского было решено переместить в один из московских монастырей по усмотрению местного митрополита, И. Шурупов и Я. Пыжьянова – определить на военную службу: первого – рядовым в Соловецкую инвалидную команду, второго – унтер-офицером в один из Архангелогородских гарнизонных батальонов (с предоставлением начальству права оставить его в Соловецкой инвалидной команде). Отмечу, что большинство из них архимандрит Александр просил освободить из монастыря, однако Святейший Синод и Третье отделение СЕИВК по тем или иным причинам внесли в его представление свои коррективы⁹⁵.

В честь удачного отражения неприятельского нападения в Соловецком монастыре было установлено несколько памятников и памятных знаков. На стене Преображенского собора под пробитой иконой Знамения Божией Матери поместили мемориальную доску с соответствующей надписью. В верхнем этаже Святительской церкви устроили придел в честь Знамения, в который из Анзерского скита перенесли одноименную икону. 8 июля в память избавления обители от неприятеля был учрежден ежегодный крестный ход. Собранные на острове английские бомбы и ядра, а также их осколки сложили в 2 пирамиды, которые сначала поместили в деревянное здание, построенное по проекту архангельского архитектора Шахларева. В 1860 г. император Александр II подарил Соловецкой обители колокол «Благовестник» с изображением на нем сцен сражения 1854 г. и соответствующей надписью. Для этого колокола построили специальную, «Царскую», колокольную, которая была торжественно освящена в 1863 г. При

этом на помост рядом с ней переместили 2 вышеупомянутые пирамиды, а также 2 пушки, бывшие в 1854 г. на береговой батарее⁹⁶. В сооружении всех этих памятников никакой корысти, на которой так настаивали советские историки, со стороны монахов, разумеется, не было, как не было и желания «умалить реальный человеческий героизм». Они были выполнены в духе существовавшей в России традиции, происходившей из менталитета нашего народа, возводить в честь победы церковные памятники (храмы и часовни), выражая таким образом благодарность Богу за оказанную помощь. (Вспомним храм Христа Спасителя и многие другие церковные памятники Отечественной войны 1812 г.)

В Российской империи Церковь, армия и государство находились в неразрывном единстве. Церковь играла важную роль во всех войнах России, а военное духовенство занималось патриотическим воспитанием воинских чинов. Религиозный патриотизм особенно ярко проявился во время обороны Соловецкого монастыря, ибо в ней приняли участие не только военные, но также монахи, послушники и богомольцы. Все они жили на Соловецких островах одной большой семьей, и единым фронтом выступили за православную веру и святую обитель. Не было единства лишь между представителями военной и церковной властей. Недоразумение, возникшее между вице-адмиралом Р.П. Бойлем и епископом Варлаамом, наложило на них обоих в истории определенную тень. Тем не менее это не повлияло на результат, и Соловецкая оборона стала одним из самых удачных эпизодов в целом не слишком успешной для России Крымской войны.

Примечания

¹ Подробнее см.: Мельникова Л.В. Святые места в центре Восточного вопроса: церковно-политический фактор как одна из причин Крымской войны // Отечественная история. 2008. № 6. С. 61–75.

² См.: Мельникова Л.В. Патриотическая деятельность архиепископа Иннокентия (Борисова) в годы Крымской войны (1853–1856 гг.) // Вестник церковной истории. 2007. № 4(8). С. 73–88; *ее же*. Иерархи Русской Православной Церкви в годы Крымской войны (1853–1856 гг.) // Церковь в истории России. Сборник 9. М., 2010. С. 125–151.

³ РГИА, ф. 796, оп. 135, д. 1217, л. 1–7 об. См. также: Буров В. Письма-донесения Соловецкого архимандрита Александра в Синод о военных событиях 1854–1855 гг. на Белом море // Соловецкое море: Историко-литературный альманах. 2004. Вып. 3. С. 85–90.

⁴ [Муравьев А.Н.] Подвиги Соловецкой обители. СПб., 1855; Полянский М. Нападение англичан на Соловки 6 и 7 июля 1854 г. // Военный сборник. 1904. № 9. С. 37–41; Сырцов И., *прот.* Англичане, бомбардирующие Соловецкий монастырь в 1854 году. Исторический очерк. М., 1904; Описание обороны Соловецкого ставропигиального первоклассного монастыря от нападения 6 и 7 июля 1854 г. Архангельск, 1905; и др.

⁵ Давыдов А.Н. Два колокола времен Крымской войны (К истории легенды о «чудесном» спасении Соловецкого монастыря) // Русский Север и Россия в годы Крымской войны. Вологда, 1979. С. 79.

⁶ Фруменков Г.Г. Соловецкий монастырь и оборона Беломорья в XVI–XIX вв. Архангельск, 1975.

⁷ Там же. С. 134. См. также: Давыдов А.Н. Указ. соч. С. 64.

⁸ ПСЗ-II. Т. 29. № 27949.

⁹ РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 5829, л. 7–8 об.

¹⁰ Канатный, кирпичный, прядильный сетный, красильный, сукноваленный, 2 свечных, салотопенный, кожевенный, солодовенный и лесопильный заводы.

¹¹ Длина стены составляла 421 сажень (898,2 м), толщина – около 3 сажень (6,3 м), высота – от 3 до 4 сажень (от 6,3 до 8,5 м). См.: Сафронов А. Соловецкий монастырь // Архангельские губернские ведомости. 1846. № 6.

¹² Там же.

¹³ РГИА, ф. 797, оп. 24, отд. 2, ст. 1, д. 3, л. 1–7; РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 5829, л. 25–31.

¹⁴ РГИА, ф. 797, оп. 24, отд. 2, ст. 1, д. 3, л. 11–12.

¹⁵ Там же, л. 13.

¹⁶ РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 5829, л. 64–65.

¹⁷ РГИА, ф. 797, оп. 24, отд. 2, ст. 1, д. 3, л. 21–29 об., 39.

¹⁸ РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 5829, л. 83–84.

¹⁹ РГИА, ф. 797, оп. 24, отд. 2, ст. 1, д. 3, л. 27–28.

²⁰ См.: Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Казань. Ч. 1. 1881. Ч. 2. 1885. Ч. 3. 1898. Необходимо отметить, что передача Соловецкого собрания библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина привела к значительной активизации научного изучения древнерусских рукописей и книжности.

²¹ РГИА, ф. 797, оп. 24, отд. 2, ст. 1, д. 3, л. 31–31 об.

²² Фруменков Г.Г. Указ. соч. С. 115.

²³ РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 5829, л. 50.

²⁴ В распоряжении Архангельского военного губернатора находились довольно скромные силы: 3 577 человек совместно сухопутного и морского ведомств, из которых самыми крупными соединениями были 2 Архангелогородских гарнизонных батальона, 21-й флотский и 3-й ластовый экипажи. Подробнее см.: РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 5829, л. 9.

²⁵ Фруменков Г.Г. Указ. соч. С. 114–115.

²⁶ Оба ордена Р.П. Бойль получил в 1822 г., Св. Владимира 4-й степени – за кругосветное путешествие, совершенное им в 1819–1822 гг. на шлюпе «Открытие» под командованием капитан-лейтенанта Васильева, где он сделал описание одного из мысов Берингова моря, получившего его имя (мыс Бойля), Св. Георгия 4-го класса – за 18 морских кампаний.

²⁷ [Веселаго Ф.Ф.] Общий морской список. Ч. VI. СПб., 1892. С. 428–430.

²⁸ Фруменков Г.Г. Указ. соч. С. 115–116.

²⁹ Там же. С. 115–116.

³⁰ Там же. С. 115.

³¹ РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 5829, л. 66–67, 94–95, 98–100.

³² Там же, л. 60–61.

³³ Архимандрит Александр (Павлович Андроник Иванович) с 1820 г. по 1827 г. был священником Полоцкого пехотного, Либаевского пехотного и Малороссийского кирасирского полков, с 1832 г. по 1847 г. – священником (с 1841 г. протоиереем) Алексопольского пехотного (с 1833 г. – егерского) полка. В 1847–1852 гг. служил настоятелем соломбальского Преображенского Морского собора Архангельской епархии. 20 июня 1853 г. был пострижен в монашество с именем Александр, а через месяц возведен в сан архимандрита и назначен настоятелем Соловецкого монастыря. (Флоринский Н.И. Жизнеописание Соловецкого архимандрита Александра // Душеполезное чтение. 1885. Июнь-июль. С. 154–178).

³⁴ РГИА, ф. 797, оп. 24, отд. 2, ст. 1, д. 7, л. 99–99 об.

³⁵ В исторической литературе встречается утверждение, что 2 монастырские пушки стояли в обители у Святых ворот вплоть до 6 июля, и лишь после появления неприятельских судов были поставлены настоятелем на берегу, «за природным каменистым пригорком» – «за неимением батарей». (Сырцов И., *прот.* Указ. соч. С. 14; [Мелетий, архим.] Историческое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. М., 1881. С. 265–266). Однако архимандрит Александр в своем донесении в Святейший Синод от 10 июля четко указывает, что береговая батарея была сооружена «за два дня» до начала обороны (РГИА, ф. 796, оп. 135, д. 1217, л. 3 об.).

³⁶ А.Н. Муравьев увидел в этом некий сакральный смысл. Проводя аналогию с Библией, он писал: «Так некогда, для защиты Соломонова храма, во дни нечестивой Гофолии, благоговейный первосвященник Иоадаи вынес из хранилища древнее оружие царя Давида, употребленное им против филистимлян, и роздал оное левитам». (Муравьев А.Н. Указ. соч. С. 53).

³⁷ РГИА, ф. 797, оп. 24, отд. 2, ст. 1, д. 3, л. 5 об.

³⁸ Там же, ф. 796, оп. 135, д. 1217, л. 3 об.

³⁹ Там же, ф. 797, оп. 24, отд. 2, ст. 1, д. 7, л. 29 об.

⁴⁰ Там же, л. 29 об.-32, 37–38, 53–54.

⁴¹ Там же, л. 32.

⁴² Фруменков Г.Г. Указ. соч. С. 120.

⁴³ Kingston W.H.G. Our Sailors. Gallant Deeds of the British Navy during Victoria's Reign. Project Gutenberg eBook. L., 2007; Mid-Victorian RN vessel HMS Eurydice <http://www.pdavis.nl/ShowShip>.

⁴⁴ РГИА, ф. 796, оп. 135, д. 1217, л. 3–3 об.

⁴⁵ См.: Мелетий, архим. Указ. соч. С. 267; Буров В. Указ. соч. С. 81.

⁴⁶ РГИА, ф. 796, оп. 135, д. 1217, л. 3 об.-4.

⁴⁷ Там же, л. 4.

- ⁴⁸ Там же, л. 10–11 об. Опубликовано: Русский инвалид. 1854. № 166.
- ⁴⁹ *Горайнов А.* Соловецкий монастырь и англичане // Русский инвалид. 1854. № 190.
- ⁵⁰ *Мелетий, архим.* Указ. соч.
- ⁵¹ РГИА, ф. 796, оп. 135, д. 1217, л. 12–12 об.
- ⁵² Там же, л. 4 об.
- ⁵³ Там же, ф. 797, оп. 24, отд. 2, ст. 1, д. 7, л. 14 об.–15.
- ⁵⁴ Там же, ф. 796, оп. 135, д. 1217, л. 5.
- ⁵⁵ Там же, ф. 797, оп. 24, отд. 2, ст. 1, д. 7, л. 85.
- ⁵⁶ Там же, ф. 796, оп. 135, д. 1217, л. 1.
- ⁵⁷ Там же, л. 1–2.
- ⁵⁸ Поврежденными оказались купол Никольской церкви, стена Онуфриевой кладбищенской церкви, находившейся за монастырской оградой, а также здание двухэтажной Архангельской гостиницы, занимаемой обычно в летнее время приезжавшими в обитель богомольцами.
- ⁵⁹ РГИА, ф. 796, оп. 135, д. 1217, л. 5 об.
- ⁶⁰ Там же, л. 6 об.–7.
- ⁶¹ Там же, ф. 797, оп. 24, отд. 2, ст. 1, д. 7, л. 4–5.
- ⁶² Там же, л. 6, 9.
- ⁶³ Там же, л. 7.
- ⁶⁴ *Погодин М.* Несколько мыслей по прочтении Соловецкого донесения // Московские ведомости. Литературный отдел. 1854. № 97.
- ⁶⁵ *Горайнов А.* Указ. соч.
- ⁶⁶ РГИА, ф. 796, оп. 135, д. 1217, л. 18–19.
- ⁶⁷ Там же, ф. 797, оп. 24, отд. 2, ст. 1, д. 7, л. 2–3.
- ⁶⁸ РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 5829, л. 104–104 об.
- ⁶⁹ *Фруменков Г.Г.* Указ. соч. С. 135–136.
- ⁷⁰ РГИА, ф. 796, оп. 135, д. 1217, л. 13–15, 18–19.
- ⁷¹ Там же, л. 16–17.
- ⁷² См.: Материалы для истории Православной Церкви в царствование императора Николая I / Под ред. Н.Ф. Дубровина // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 113. Кн. 2. СПб., 1902. С. 328.
- ⁷³ Там же. С. 329–331.
- ⁷⁴ Там же. С. 331.
- ⁷⁵ РГИА, ф. 797, оп. 24, отд. 2, ст. 1, д. 4, л. 25 об.
- ⁷⁶ Там же, д. 9, л. 21.
- ⁷⁷ См.: *Артоболевский С.* Вице-адмирал Бойль и преосвященный Варлаам, епископ Архангельский (Эпизод из истории русско-турецкой войны 1853–1856 гг.) // Русская старина. 1905. Кн. VI. С. 671–680.
- ⁷⁸ РГИА, ф. 796, оп. 135, д. 1217, л. 28–28 об.
- ⁷⁹ Там же, ф. 797, оп. 24, отд. 2, ст. 1, д. 9, л. 17–17 об.
- ⁸⁰ Там же, л. 20–21 об.
- ⁸¹ Там же.
- ⁸² Там же, л. 19, 27.
- ⁸³ Там же, л. 27–28 об.
- ⁸⁴ Цит. по: Материалы для истории Православной Церкви... С. 335.
- ⁸⁵ Там же. С. 335–336. См. также: РГИА, ф. 797, оп. 24, отд. 2, ст. 1, д. 9, л. 40.
- ⁸⁶ Материалы для истории Православной Церкви... С. 338.
- ⁸⁷ РГИА, ф. 797, оп. 24, отд. 2, ст. 1, д. 9, л. 37–37 об.
- ⁸⁸ *Фруменков Г.Г.* Указ. соч. С. 138.
- ⁸⁹ РГИА, ф. 797, оп. 24, отд. 2, ст. 1, д. 7, л. 95–97.
- ⁹⁰ Весной 1855 г. монастырь получил две 3-фунтовые пушки, 250 пудов пороха, 4 400 ядер, 300 новых ружей и 150 тыс. патронов. Кроме того, на Соловки прибыли фейерверкер М. Рыков и младший ординатор Архангельского военного госпиталя Смирнов (*Фруменков Г.Г.* Указ. соч. С. 146–147).
- ⁹¹ РГИА, ф. 797, оп. 24, отд. 2, ст. 1, д. 7, л. 87–90 об.
- ⁹² Там же, л. 152, 157.
- ⁹³ Там же, л. 82–82 об.
- ⁹⁴ Там же, л. 106, 117.
- ⁹⁵ Там же, л. 43, 49–54.
- ⁹⁶ Там же, ф. 796, оп. 135, д. 1217, л. 56, 61–62, 79–79 об.